

"Оренбург наш город золотой: ходи в чем хочешь..."

Письма В.И. Даля к сестре. 1835 год¹

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ, ИННА ЗУБОВА

Сестра В.И. Даля, Паулина Ивановна Шлейден, была старше брата не менее чем на пять лет: она уже была замужем, когда тринадцатилетний Владимир поступил в Морской корпус. Ее брак был, видимо, не особенно счастливым. Племянница Екатерина отзывалась о муже тетки как об очень умном, но "страшно сухом" человеке. Даль имел с зятем кое-какие общие интересы, например, охоту, был с ним всегда вежлив в письмах, но отмечал, что сестра в своей семье довольно одинока. Зато сам он всегда сохранял самую прочную душевную близость с ней, хотя с момента его отъезда из Николаева при поступлении в корпус им с Паулиной почти не довелось подолгу жить в одном городе: она переехала с мужем в Москву после возвращения братьев из корпуса и жила там до своей смерти, последовавшей, по-видимому, вскоре после 1839 г. Пока неясно, дождала ли она до переезда Владимира Ивановича из Оренбурга в Петербург в 1841 г.

Переписка В.И. Даля с П.И. Шлейден, к счастью, сохранилась и находится в Рукописном фонде Пушкинского Дома (Института Русской Литературы РАН). Письма Даля к сестре уже упоминались в исследовательской литературе и цитировались, например, М.И. Фетисовым и В.И. Порудоминским. Однако полностью они никогда не публиковались.

Ниже приводится текст писем, написанных из Оренбурга в 1835-1839 гг.

Письмо, датированное 20-м или 25-м августа 1835 г., интересно тем, что сообщает кое-какие факты из семейной жизни Даля. Во-первых, в нем сообщается, что дом, в котором жила семья до тех пор, — видимо, тот самый дом Звенигородского, о котором пишет Екатерина Даль (см. альманах "Гостинный двор" № 1, 1995 г., с. 140), — продается, и на днях придется переезжать.

Во-вторых, из этого письма видно, что мать Даля, жившая в Дерпте, в это время перебирается к младшей дочери Александре в Астрахань. В-третьих, здесь есть упоминания о братьях — умершем в 1828 году от чахотки Карле, и о Павле, также заболевшем чахоткой и отправившемся в Италию. Сыну Даля Льву-Арслану уже исполнился год, и тетушке интересно побольше узнать о нем. Однако кроме семейных и хозяйственных забот Даль и его сестра обсуждают в письмах издательские дела Владимира Ивановича. Он немного жалует на издателей, у которых залеживаются его рукописи, на приятелей, обещавших помочь и позабывших об этом. Здесь же он обещает сестре прислать ей свои работы для перевода на немецкий язык, видимо, по ее предложению. Затем она пересылала свои переводы статей Даля в газету "Петербургские ведомости", издававшуюся на немецком языке.

20-го — 25-го августа 1835г.

Я остался у тебя в долгу, сестрица, на всех языках: не только на немецком и русском, но, как вижу из найденного старого письма, и на английском; только на французском, помнится, оплатил долг свой исправно, подписавшись *vorte tres perfectionne frete etc.*² Лето провел я в степи, сделал верхом я 1500 верст, а Воротишвиш, захлопотался тем да этим, а больше ничем — а время прошло. Мы переходим на днях на новую избу³ дом, в котором мы жили, продают. Новое жилье наше нисколько не хуже старого: немного меньше, но чисто, опрятно, весело, со всеми удобствами и уютами, и стоит только 400 руб. серебром в год. Здесь это большая редкость, и судьба нас балует наперекор другим.

Будучи удален от Питера, не могу сладить с печатью и изданием своих рукописей: время понемногу уходит, а Смирдин завален работою (...), ему подавай: Жуковского, Пушкина, (...) да Крылова: их он издает ныне во всех видах и размерах. Вот почему и твои рукописи лежат — и ждем тыгоды. Если б я был там сам, все бы пошло.

Не знаю, где теперь бедная наша маменька. Если у вас, то скажи ей, что я получил от Кнорре⁴ счет и 230 руб., из коего числа 200 следуют

Александре за откупленных на волю родителей Анны и Василия, а остальное маменьке, за проданные вещицы, оставшиеся после Карла. Деньги эти (издали) увезены Кнорре в Москву, не застали там маменьку и воротились в Николаев. Поэтому он их послал мне. Я пошлю их или передам, как только узнаю, где маменька. Дай Бог, ей добраться, куда собралась — кажется, по последним известиям, в Астрахань. Сделай одолжение, упрости ее, чтобы она взяла у вас займы, на дорогу, рублей триста; я бы послал их, да не знаю, будет ли она, наверное, у вас или (нет). (...) Хотел бы она доехала уж к нам, так бы успокоились.

Климат, право, везде один; он может дать отсрочку на две недели больному, но не спасает никого. И в южной Франции люди живут не долее нашего, и все, которых туда посылают лечиться от таких болезней, не возвращаются. Это пустое.⁵

Шерсть я (...) получил; когда увижусь с (Куторгою), то напишу подробные расчеты. (Чай) и воротник прибыли в добром здравии; я думал, что писал и благодарил. Воротник очень хорош. Алешка, как видно, занят крепко своими делами и службою; Илья Муромец⁶ и все прочее пропадают без вести. Беда, коли нельзя быть самому! Я уже поручил теперь дело другому приятелю, у которого есть время и охота. Может быть, дела пойдут лучше. Увидим. О Ротгане я также писал и просил осведомиться.

У сына моего глаза голубые, волосы — не знаю, какие будут, теперь русые. Он бежит сам и ломает все, что в руки попадет. Большой разбойник. Полон рот зубов. У меня нет связи с иностранными издателями и писателями.

Я не могу посылать туда свою работу. Кроме того, не намерен я более писать по-немецки; неловко как-то, и труды не вознаграждаются. Если бы словарь наш издавался потолковее, то было бы довольно работы; но опять беда (такая): у людей голова кругом ходит от миллионы, который выручили, и им некогда заниматься пустяками. Как-нибудь, авось и небось. Впрочем, первый том гораздо лучше, чем я надеялся. (Я за него боялся). Рукопись для перевода на немецкий и для (посылания) куда угодно — пришлю тебе; дело будет не спешное и работа исподволь. Прошай, время печатать письмо, а жене некогда: перебирается и хлопочет с банками, склянками, горшками и другим скарбом.

В. Даль.

Следующее письмо написано 7 октября 1835г., всего через месяц с небольшим после предыдущего. Речь в нем опять идет о заботах по изданию посланных в Петербург сказок, работе над статьями для энциклопедического словаря Плюшара и о семейных делах. Даль вновь сетует на трудности, вызванные невозможностью часто бывать в Петербурге, на занятость друзей, обещавших помочь в издательских хлопотах, на строгости цензуры. Письмо особенно интересно тем, что в нем говорится о наградах Даля и его отношении к ним. Здесь высказана точка зрения человека не просто скромного, а особенно щепетильного в общении с начальством и коллегами. Интересны также мимолетные замечания о жизни в Оренбурге, о привычках жителей города. Даль коротко упоминает о проведенных в городе скачках ("скачке") и об описании этих скачек, подготовленном им для газеты "Северная Пчела", а также о начатой работе над показаниями русских, вызволенных из хивинского плена.

Упоминающийся в письме "П.П." — Петр Петрович, как видно из последующих писем, — это, несомненно, муж Паулины, Шлейден. Он, видимо, как и сам Даль, заядлый охотник, и ему интересно знать все об охоте в Оренбурге.

Жена Даля ожидает второго ребенка. Мать, Юлия Христофоровна, должна скоро прибыть в Оренбург. В первых, к сожалению, не расшифрованных нами полностью строках письма говорится о Петре Осиповиче — это, скорее всего, Кистер, муж сестры Алексан-

дры — и о Луизе — это либо их дочь, либо воспитанница. Даль считает, что в Оренбурге ей будет лучше, чем в Астрахани, где сейчас служит Кистер: "У нас много милых барышень, с которыми ей было бы весело и хорошо, а там она одна", — пишет Владимир Иванович. Вероятно, переезд семейства сестры в Оренбург планируется уже давно, но возникают осложнения с переводом зятя на службу к Перовскому.

Приводим это письмо с небольшими сокращениями.

... Оказались затруднения со стороны начальства его (Кистера): требовали, чтобы Перовский командировал на его место другого; а здесь (некого), да и никому не будет охоты ехать туда. Здесь при нынешнем начальстве всякому лучше. Мы теперь на новой квартире: немножко потеснее, но хорошо и уютно. Здесь так трудно найти жилье, особенно семейное, что такой дом, как у нас теперь, клад. Мы не должны с ним расстаться, покада пробудем здесь, разве что хозяин сам выгонит...

На весну мы уедем, думаю, опять в степь, месяца на два, а к этому времени жена будет нуждаться в помощи и присмотре. Я спокоен в надежде, что маменька будет к тому времени здесь. Если она пропустит зиму — то в распутицу уже не попадет к нам, и жена осиротее. Зимняя (дорога) — если осенью не удастся ехать — стоит недорого. Нельзя ли маменьке ехать с каким-нибудь (артельщиком) или иным хорошим человеком? Издержки я принимаю на себя, а человек найдется здесь службу, если захочет, у Перовского, который людям своим дает хорошее жалованье и в порядочных людях нуждается.

Самому мне никак нельзя ехать теперь за маменькой, потому что приходится пора работы (моей) — зимою — которую здесь поручить некому, а потому, что и не сразу приснится. Да и дорого обойдется ехать нарочно. Скажи все это, пожалуйста, маменьке (и др.). Сестре Александре пишу я также сегодня и посылаю 200 р. из Николаева. Недавно у нас была скачка, которой описание найдешь в "Пчеле". На этой неделе поеду с Перовским на 5 дней в горы, на охоту, которую здесь так богата — расскажи это П.П. — знаю, не поверят люди, если б об этом рассказывать: сотня зайцев на десять ружьев в одно поле, дело обыкновенное; привозили мы и по 150.

Ты упоминаешь о наградах моих, по службе — об этом я, кажется, не писал тебе ничего — скажу теперь вот что: два чина, которые здесь получил, следовали мне за выслуженным сроком. Это не награда; а получил я Станислава 3-ей степени да теперь еще 200 руб. денег. Но замечу, что я, при нынешнем положении моем, упираюсь руками и ногами противу награды. Еще прошло зимою, когда Перовский был в Петербурге, написал к нему особое письмо, которое заключило таким оборотом, что принудило его сделать, чего мне хотелось, т.е. не представлять меня к наградам. На это у меня были свои причины, а именно: он и так уже сделал для меня много, и я хочу отслужить несколько и не оставаться у него в долгу свыше сил моих; во-вторых, у меня завист-

ников довольно, знают же меня еще мало, а я не позволю никому попрекать себя, чтобы я получал более, чем заслуживаю, более, чем люди, которые работают более меня. Это чувство для меня в такой степени нестерпимо, что мне без всякого сравнения гораздо легче переносить обратное положение дел, которое я испытал довольно резко у Ридигера, во время после Польской кампании. Но полно об этом, можно бы наговорить с три короба, да я не совсем охотно пускаюсь на этот предмет. № В: скажи также П.П., что вальдшнепов бьем мы также десятками...

Напиши мне, не понадобится ли тебе что-нибудь из сибирских или китайских товаров? Я еду в феврале на Ирбитскую ярмарку...

Поверишь ли, что (...) цензура делает? Вымарала мне половину книжки, ни дай, ни вынеси! Запретила употреблять в сказке слово чудо — будто оно пригодно только для священных предметов; вымарала поговорку: видно ты в солдатах не бывал, руки не знаешь — не позволили князю Владимиру низко кланяться перед Полканом — словом, нельзя ни в каком уставе выразить тех придирок, которые цензура себе позволяет, а между тем, просит на них некому, да и пенять на них нельзя: обожжешься на молоке, будешь дуть и на воду. У меня еще книжки на две приготовлено запаса, да Бог знает, когда слажу напечатать. Если бы тебе случилось побывать у (Ширяева) — да нет; в Москве еще хуже печатать (нет даже порядочной типографии). От Ротгана нет еще ответа, хоть я просил два раза Алешку сходить к нему и поговорить... Словом, весь Петербург занят, а я в Оренбурге. Ибурга, да не тот. Теперь я занимаюсь приведением в порядок сведений о Средней Азии, показаний русских пленников, и пр. и едва ли кончу все это прежде полугода.

Есть ли у вас в Москве тонкое верблюжье сукно? Мы здесь ходим, изволите видеть, в черкесках, а они (шьются) всего лучше и дешевле из самоцветного верблюжьего сукна... Я теперь два года, (считайте), в Оренбурге и два или три раза надевал порядочное платье: за это Оренбург наш город золотой; ходи в чем хочешь: кто в шелку, кто в меху — никому нет нужды. Кажется, что до (войсковых это) не относится: те на вытязку, как всюду. Но и сам Перовский ходит в казачьем мундире.

Для энциклопедического словаря я теперь ничего не работаю — до времени; я писал им, два раза, чтобы они объявили решительно, почем платят, и сказали, какие статьи обрабатывать, иначе я опять столкнусь в этом с другими и работа пропадет; они же молчат и (ходят) — как пишут другие, — ходят с Гречем по бульвару под ручку. Это хорошо, но — дружба дружбой, а служба службой; я даром не намерен. В первом томе, если увидишь его, найдешь статей пять, маленьких, моей работы, во втором — не знаю, что будет; а посылал я всего, на четыре первые буквы, статей до 50. Впрочем, первый том вышел лучше, чем можно было, по поспешности дела, (ожидать). Во всяком случае, приятное важное и достохвальное.

Прошай и присылай нам скорее маменьку.

В. Даль.

1 Работа ведется при поддержке Российского Гуманитарного Научного фонда РАН.

2 Ваш весьма надежный и совершенный брат и т.д.

3 Забавная описка Даля. Вероятно, хотел написать "на новую квартиру".

4 Карл Христофорович Кнорре — друг Даля в Николаеве, ученый-астроном, директор обсерватории. Вероятно, по просьбе родных Владимира Ивановича он занимался какими-то денежными делами семьи Даля.

5 По-видимому, эти соображения касаются болезни брата Павла. Возможно, сестра спрашивала Даля, каковы надежды на выздоровление в Италии.

6 Даль упоминает о своей сказке "Илья Муромец, сказка Руси богатырской", которая, видимо, в это время находилась в редакции одного из журналов, и о судьбе которой поручалось узнать кому-то из друзей или родных — "Алешке".

7 Речь идет об "Энциклопедическом лексиконе", который в 1835г. начал издавать А.А. Плюшар. В.И. Даль написал для него много статей.